

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 32.019.51: 37

А.И. Щербинин

«КРАСНЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ»: ФОРМИРОВАНИЕ МАТРИЦЫ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В РОССИИ

Ставится проблема дефицита органичной консервативности в сознании современного российского общества, что рассматривается как угроза линейной модели нынешнего политического курса. Автор вводит в оборот категорию «матричное циклическое мышление» и показывает, как календарь осуществлял матричный механизм воздействия на память многих поколений россиян.

Выборы Президента Российской Федерации 2008 г. прошли под знаком стратегической преемственности и продолжения политики Путина. Предъявленное общественности накануне парламентской избирательной кампании словосочетание «план Путина» (несмотря на его ретроспективную расшифровку – семь посланий президента Федеральному Собранию РФ), безусловно, имеет право на существование, если брать проективное и/или программное развитие России. Путин предстает как автор и инициатор реформ, но он же одновременно охранитель и даже в метафорическом смысле «консервативный революционер». Полагаю, что в понимании данного явления сегодня важны не столько детали дальнейшего преобразования, сколько вопрос: «какова модель движения вперед»? Стратегию социально-экономического развития России президент В. Путин изложил на заседании Государственного Совета 2 февраля 2008 г., и она в общем и целом выдержана в духе советской риторики: «догнать и перегнать».

Сегодня основные тренды известны: во всеобщем контексте быстро меняющегося мира Россия стремится наверстать упущенное в области технологий, сократить отставание от ведущих стран в экономике и социальной сфере. Одновременно перед режимом Путина остро встала задача перестройки политической системы на консервативных началах. В этих условиях отчетливо проявилась не столько «нищета», сколько «тщета идеологии» правящей партии объяснить природу и, что более важно, применимость к обществу декларируемого консерватизма. Причин тому может быть много, но главная в том, что этот консерватизм построен лишь рационально, а это противоречит самой природе данной идеологии, которая должна крепко цепляться корнями за жизнь, интерпретировать ее, основываясь на базовых ценностях.

Итак, сегодня политический мир непривычно усложнился, в то же время непреодоленная ситуация *переходности* находит отражение в политическом сознании – этом потенциальном совокупном носителе консервативного начала как общества, так и элиты, по-прежнему предпочитающих традицион-

ные политические институты и политические процессы. В данной работе речь пойдет о двух основных моделях политического времени – линейной и циклической, лежащих в основе понимания институтов и процессов. Также поднимается проблема, каким образом могут сочетаться линейная и циклическая модели времени и как календарь регулирует политическую идентичность общества в целом и его отдельных групп со стабильностью и переменами. Сама тема воздействия календаря на формирование сознания общества является не слишком разработанной, хотя в последнее время появляются большие труды, относящиеся к праздникам, в которых ставится и проблема места календаря в политической жизни общества [1]. Заранее предваряя возможные упреки в «презентизме», отмечу, что в работе речь пойдет не о демонстрации возможности истории в ипостаси «наставницы жизни», а о методе реконструкции исторической ситуации с целью пояснения, как в условиях новейшей истории России формировалось матричное мировосприятие.

В этом году исполнилось 90 лет с тех пор, как в нашей стране был введен григорианский календарь и метафорически, и фактически Россия с этого момента объективно живет в одном времени с Европой. Вместе с тем календарь – это не просто время, нарезанное теми или иными «порциями», которые обществу удобно «потреблять», по поводу чего писал Ж. Бодрийяр: «Измерение времени тревожит, поскольку привязывает нас к социальным обязанностям», но и действует успокоительно, поскольку превращает время в субстанцию и разделяет его на порции, словно некий предмет потребления. [2. С. 19]. Испокон веков календарь был сакральным регулятором – посредником между миром людей и божественным космосом. Энциклопедия «Мифы народов мира» отмечает, что «Прометей у Эсхила считал объяснение календарных закономерностей людям важнейшим своим благодеянием» [3. С. 613]. Каков же механизм изначального понимания календаря? «Упорядочивающая деятельность времени в «нормально» функционирующем космосе представляется мифотворческому сознанию разумной, его необратимость божественной мощью, его невещественность – таинственной силой созидания и разрушения. К. поэтому везде священен, а наблюдение за ним находится в ведении жрецов» [3. С. 612]. Следует обратить особое внимание на то, что не только «везде», но и, как правило, «всегда» календарь относится явно (через церковь) или скрыто (через государство) к сфере сакрального. Даже в условиях режимов, ориентированных на радикальный разрыв с прошлым (и потому обреченных на линейный порядок трактовки времени), идет длительная борьба между старым и новым миром за монополию на интерпретацию циклического времени. Даже когда государство слабо, подобно режиму Б. Ельцина, оно формирует и интерпретирует календарь, пусть даже за счет паллиативов (День согласия и примирения, угнездившийся на не вытесненном из сознания «красном дне календаря»), новых коммемораций – День России, День российского флага, День Конституции.

Когда же государство сильно, в своем стремлении преодолеть прошлое оно не только стремится с ним порвать, но и интерпретировать прошлое, контролировать настоящее и готовить будущее. В этом плане стоит обратить внимание на «два основных механизма, поддерживающие равновесие в обществе», которые выделил Ч.Р. Миллс. Это социализация и социальный кон-

троль. «Первая задача по поддержке социального равновесия заключается в том, чтобы заставить людей добровольно делать то, что требуется от них. Если это не удастся, появляется вторая задача – другими средствами заставить их делать то, «что положено» [4. С. 44]. Правда, он тут же оговаривается, что не может объяснить «что положено», а мы добавим, что те, кто знают, «что положено», могут и порядок действия поменять местами: сначала контроль, а затем социализация. Но нередко оба процесса действия совпадают. Примером тому является деятельность царя Петра Великого. Из всего многообразия преобразований остановимся на реформе календаря и его внедрении в российский быт, а из качеств царя-революционера выделим лишь его склонность к дидактике. Начнем с последнего. Петр был не только инициатором и ревностным редактором первой русской газеты и гражданского календаря, сообразованного с тогдашним европейским юлианским летосчислением, но даже законодательство, как пишет Кевин Платт, «при Петре I имело явный характер назидательного памфлета: если предыдущие законодатели были озабочены по большей части тем, чтобы оговорить все запреты, то петровские указы имели прескриптивный характер, направляя поведение подданных во всех сферах их жизни» [5. С. 53]. Петровский линейный прорыв породил не только естественное стремление общественного сознания цепляться за привычный консервативный цикл, но и любопытство: что там, за горизонтом повседневности? И этому спросу потрафил так называемый «Брюсов календарь» с росписью-прогнозом на двести лет. Несколько позже государственная монополия на издание календарей рационального плана была отдана Академии наук, что составило конкуренцию «Брюсову календарю» практически на полтора века.

Если регламентацию как одну из подфункций контроля представить в виде рекомендаций, которые не предполагают немедленных санкций, но официально распространены и приняты «публикой» (по Г. Тарду), их влияние мыслится нами как очень эффективное среди носителей общественного мнения. В этом плане календарь был наиболее убедительной формой декларирования паттернов в светской среде. Если мы вспомним сцену из комедии А. Грибоедова «Горе от ума», где Фамусов предлагает Скалозубу: «Уж коли зло пресечь, / Забрать все книги бы да сжечь». И буквально в следующей сцене, ссылаясь на календарь как на авторитетный печатный источник, говорит Хлестовой: «В моем календаре...» [6. С. 110, 111]. В подтверждение данному соображению об авторитетности календаря сошлемся на сцену ознакомления с «интеллектуальным наследством», которое оставил Евгению Онегину дядя, тех «самых честных правил»: «Онегин шкафы отворил: / В одном нашел тетрадь расходов, / В другом наливки целый строй, / Кувшины с яблочной водой / И календарь осьмого года: / Старик, имея много дел, / В иные книги не глядел» [7. С. 31–32].

Со временем календарь становится достоянием широких масс российского общества. Так, «в нач. 20 в. книгоиздатель *И.Д. Сытин* организовал издание дешевых, ярко оформленных К. для народа». Общий тираж настольных и отрывных календарей достиг 14 млн экземпляров [8. С. 200].

Не вдаваясь в детали и спецификацию календарей, остановимся на их влиянии на индивидуальное и коллективное сознание. Календарь восприни-

мался как извечный посредник с космосом, Божественным промыслом, сакральной канвой текущего и ожидаемого времени. Длительность же его обращения в народной и элитарной культуре превратили календарь в один из наиболее эффективных (в силу его архаической незаметности и естественности) механизмов формирования матричного мышления. Дж. Дж. Уитроу в главе «Время и психология памяти» обращается к работе Ф. Бартлета «Воспоминание», где тот на основе тщательно подобранных легенд пришел к выводу, что «отдаленное» припоминание является «воображаемой реконструкцией», зависящей от «установки» человека во времени припоминания и использующей только несколько примечательных подробностей». [9. С. 125]. В качестве «основного элемента механизма памяти Бартлет ввел понятие схемы, под которой он понимал... схематическую форму прошлого» [Там же]. Если эти выводы верны, нам следует предположить, что календарь не просто навязывает интерпретационную схему, но является матрицей, формирующей особый «рельеф» сознания. И еще один аспект, все мы помним то, что для нас важно, ценно и даже священо. Как писал французский историк П. Нора, сравнивая память и историю: «Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же это репрезентация прошлого». И далее: «Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая прозаическим» [10. С. 20].

Обратим внимание на два момента, вытекающих из точки зрения Нора. Календарь находится на границе истории и памяти, превращая первую во вторую, задавая траекторию восприятия истории (и политики, как истории творимой). При этом «репрезентация», осуществляемая историей, если понимать ее этимологически, как это делает П. Рикёр, всегда будет проигрывать памяти по той причине, что «слово это одновременно обозначает и замещение и приблизительность. Замещение – в том смысле, в каком латинское *representatio* употреблялось в эллинистическую, а затем в византийскую эпоху применительно к особе, в чьи обязанности входило замещать отсутствующего монарха... Наместник, однако, не равен тому, кого заменяет» [11. С. 40]. П. Рикёр, называющий память «матрицей истории», считает, что «проблема репрезентации прошлого это... не проблема истории, а проблема памяти» [11. С. 40, 41]. По мнению Нора, «история превратилась благодаря школе и времени в кадр и в матрицу нашей коллективной памяти» и сама по себе история не представляла «ничего иного, кроме углубления памяти» [12. С. 126]. Выделим из этого рассуждения категории *матрица* и *углубление памяти*, чтобы сделать вывод, что календарь представляет собой матричный механизм воздействия на память. Этот механизм отчасти похож на такую разновидность индоктринации, как инкалькация (*inculcation*) – внедрение, внушение, о которой мне уже приходилось писать. В американском словаре «*American Heritage Dictionary*» даны следующие его значения: 1) как отпечаток чего-либо в памяти другого при посредстве часто повторяемых инструкций или репетициях; 2) как обучение другого с помощью часто повторяемых инструкций или репетиций. Но для нас более важен перевод с латыни, где «*inculco*» означает буквально «втаптывать», а также впечатлять, запечатлевать, вдалбливать, втолковывать, навязывать кому-либо, насильственно заставлять слушать себя [13. С. 135].

Особенности календаря в том, что он впечатывает в память события, оставляя «самое отчетливое в следе», если воспользоваться выражением П. Нора [10. С. 28], основываясь на естественно-циклическом характере восприятия самого архаического времени. И уже на отпечаток этой матрицы наслаиваются, надолго или нет, события писаной и изучаемой истории, привязанные к основным (впечатанным в память) датам, их череде и иерархии. «Кажется, что каждый год и каждый месяц требует своей порции обязательных или сфабрикованных годовщин» [12. С. 96]. С ними согласовывается актуальная политическая действительность, если напомнить рассуждение Бодрийяра о превращении времени в субстанцию и разделении его на порции, словно некоего предмета потребления. От себя добавим применительно к календарю – политического потребления. С такой памятью трудно бороться декретами, она не умирает вместе с режимом, для этого требуется долгая и кропотливая работа по завоеванию консервативно-матричного мышления.

И мы вновь возвращаемся к событию девяностолетней давности, о котором, собственно, было написано в начале статьи. На первых порах новая революционная власть пыталась вписаться в старые рамки календаря. Первый календарь был выпущен советским государством в 1918 г., он так и назывался «Советский календарь на 1919 год». Календарь ценен не только своим содержанием, как первый советский политический опыт такого рода, как образец неожиданно осторожного подхода большевиков к управлению восприятием времени, но и как художественное произведение. Сам красочный переплет (в традициях Сытина) презентован в стиле русского модерна. Точнее, в соединении двух стилевых эпох: словосочетание на переплете «Советский календарь» как разрыв с прежней традицией и церковно-славянское «Лето 1919». Расположенные по углам четыре псевдосредневековых клейма-миниатюры означали четыре основных вида деятельности: кузнечное дело, книгопечатание, хлеборобство и воинскую службу. По центру, в зодиакальном круге, на фоне солнечных лучей – красный всадник на красном крылатом коне с факелом в правой и пером в левой руке. Последняя фигура имела отношение не только к просветительской символике ранних лет после Октября, но и к данному изданию.

Вопреки распространенному мнению, реформируя календарь, большевики не сразу взялись стирать циклическое (церковное) время «до основанья, а затем» переходить к линейному, целенаправленному движению. Революционный характер введения григорианского календаря объяснялся донельзя прозаически. Календарь 1919 г. пояснял преобразования затруднениями в общении с границей, неудобством для местностей, где жило население, опиравшееся по своему вероисповеданию на григорианский календарь (и праздники приходилось отмечать дважды), но главное – это ошибки в сроках сельскохозяйственных работ, связанных с определенными днями в литургическом календаре [14. С. 3]. И последнее подтверждают народные пословицы типа «По календарю сеять, хлеба не веять» (В.И. Даль). На этом, казалось бы, эксперименты с календарем кончились.

Наиболее ярко вхождение новой власти в циклическую модель демонстрируют опубликованные на следующей странице «Правила об еженедельном отдыхе и праздничных днях», подписанные председателем ВЦИК Я. Сверд-

ловым и секретарем ВЦИК В. Аванесовым. Под пунктом 7 мы читаем: «Производство работ воспрещается в следующие праздничные дни, посвященные воспоминаниям об исторических и общественных событиях»: 1 января – Новый год; 22 января – день памяти событий 9 января; 12 марта – низвержение самодержавия; 18 марта – день Парижской коммуны; 1 мая – день Интернационала; 7 ноября – день Пролетарской революции. Далее пункт 8 гласит: «Местные Советы Профессиональных Союзов, с согласия Народного Комиссариата Труда, могут устанавливать, помимо вышеуказанных, особые дни отдыха, но не свыше 10 в году, согласуя эти дни с обычными народными праздниками, местными условиями и составом населения и заранее опубликовывая такие во всеобщее сведение, при том непременно, однако, условия, чтобы такие дни отдыха не оплачивались». И ниже идет текст о том, что Московский Совет Профессиональных Союзов постановил считать таковыми «Рождество – 2 дня, Пасха – 2 дня, Духов день, Благовещение, Преображение, Вознесение, Успение и Крещение». Здесь же указывается, что в канун Рождества и Пасхи работы прекращаются в 12 часов дня [14. С. 4].

Итак, мы видим, что в православный литургический год были вписаны новые (доминирующие) праздники. Казалось бы, этот факт комплиментарности можно объяснить молодостью советской календарной системы (и системы политической), а в традициях советской историографии таким клише, как «переходный период». Однако проходит почти десять лет, а симбиоз не исчез. Более того, «Всеобщий настольный календарь» на 1928 г., претендующий, по замыслу Государственного издательства, на статус «необходимого для каждого справочного ежегодника» (где прямо в соответствии с буквой феноменологии «наряду с общекалендарными сведениями... помещено множество справок по самым разным вопросам советской житейской практики»), уже в единой официальной колонке «Праздники и дни отдыха», мы читаем: «январь 1 – Новый год, 22 – День памяти В.И. Ленина и Кровавого воскресенья (9 января 1905 г.); март 12 – Низложение самодержавия, 18 – Парижская коммуна; апрель 16 – Второй день Пасхи; май 1 – День Интернационала, 24 – Вознесение»; июнь 3 – Троица, 4 – Духов день; июль 1 – День Союза ССР; август 6 – Преображение, 15 – Успение; ноябрь 7 – День пролетарской революции; декабрь 25–26 – Рождество». Что примечательно, в параллельной колонке были выделены «особые дни»: январь 21 – умер В.И. Ленин; февраль 23 – День Красной армии; март 8 – Международный день работниц, 18 – День МОПР'а; апрель 17 – Ленский расстрел; май 5 – День печати, 15 – День Красного флота; июль 6 – День утверждения Конституции СССР, 7 – Международный день кооперации, 14 – День Осоавиахима; сентябрь 2 – Международный юношеский день; октябрь 15 – основание Крестьянского интернационала [15. С. 1].

Обратим внимание на две существенные детали. Во-первых, «особые дни» того, что называют «красным календарем», еще не вытеснили религиозные праздники (а следовательно, консервативное мышление признавалось властью). Во-вторых, в обеих колонках присутствует дата смерти вождя пролетарской революции и основателя государства В.И. Ленина, но его рождение (22 апреля) не выделено ни в праздничный, ни в особый день. Это по-

звонит думать, что для ментальной матрицы смерть вождя как жертва важнее рождения. Даже детям в период каникул рекомендовалось «вести в течение двухнедельного перерыва подготовку к дням траура по Владимиру Ильичу Ленину» [16. С. 73].

Однако даже на одиннадцатом году Октябрьской революции (вести параллельное летосчисление от октября 1917 г. стало традицией советских календарей) еще не разорвана мистическая связь с дореволюционным циклизмом. Красочную заставку с советским гербом по центру и симметрично расположенными «рабоче-крестьянами» разных национальностей под красными флагами декорирует зодиакальная дуга, упирающаяся справа вверх в красное солнце, а слева вверх в белый полумесяц. Вместе с тем здесь мы видим мягкую тактику вытеснения двенадцатых церковных праздников через разъяснение религиозных заблуждений, а иногда и высмеивание библейских сюжетов. Структурно советские праздники, годовщины были размещены вверх в правой колонке, церковные (с соответствующей вивисекцией) были внизу. К примеру, январь 1928 г. был представлен двухсотлетием академического календаря, годовщиной смерти В.И. Ленина и Богоявлением (Крещением). В левой колонке в православных традициях имянаречения по святым, прикрепленным к датам литургического года, публиковались имена. Связь времени с именем – важнейшая сакральная, связанная с первостепенными житейскими делами, а значит матричная, функция календаря. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский называли мир имен собственных особым, «иначе устроенным» языком в языке, отличным от других «языковых категорий» в силу его тесной связанности с архаикой, мифом [17. С. 530]. В этом плане первый советский календарь полностью сохранил дореволюционную традицию. Календарь же на 1928 г. очень сильно разбавлен как «романтическими», так и революционными именами. Так, наряду с Авдотьями и Пахомами предлагались Борей, Изиды, Садко, Икар, Церера, и рядом – Спартак, Новомир, Октябрина, Революция, Шахта, Коммунара, Заря, Карманьола. «Творческий» характер календаря в деле имянаречения подчеркивался объявлением: «Редакция календарей просит всех, дающих новые имена своим детям, сообщать эти имена по адресу: Государственное издательство РСФСР, Календарный отдел, Москва, Рождественка, 4» [15. С. 26]. По подсчетам автора данной статьи, подобных имен было свыше 200: от Автодора и Артиллерии до Ясленика (Я с Лениным и Крупской) [18]. Имя, разрывающее традицию, было одним из моментов изменения матрицы, поскольку номинативная функция языка, связанная с маркировкой мира, является важнейшей деятельностью по символическому сохранению/преобразованию реальности. В данном случае доминировали мотивы политического соответствия духу времени, а также архаически-витальное желание защитить себя и дитя в новой реальности. Подобную ситуацию применительно к Великой Французской революции в живой и остроумной форме описывали О. Кабанес и Л. Несс в главе «Республиканский календарь» книги «Революционный невроз», где речь шла об изъятии из календаря имен святых и замене их названиями растений, животных и орудий труда. Добавим к этому имена-обереги типа Свобода, Равенство, Братство, Робеспьер, Марат и пр. В итоге младенцам (и взрослым, желавшим поменять имя из соображения «политкорректности» или по моде)

давали имена Неприкосновенность, Гуманность, Артишок, Орешек, Аристид, Сцевола, Публикола, и даже Цивилизация-Жемаппа-Победа-Республика, Чеснок-Мак и т.п. [19. С. 428–440].

В обстоятельствах наступления на бастионы прежнего консервативного мировосприятия в календаре выбирались особые формы презентации поступательного развития. Календарь в условиях нового режима демонстрировал поступательные интенции, направленные на формирование новых ориентиров общественного сознания. Январский разворот, озаглавленный «Наше хозяйственное строительство», начинается словами: «По всей советской земле идет великая стройка новой жизни» [15. С. 3]. Все последующие (по месяцам) развороты посвящены детализации этой главной темы: «Индустриализация», «Наше сельское хозяйство», «Наш транспорт», «Наши финансы», «Наша торговля» и т.п., пока не появляется синтезирующая статья «Строим социализм». Это наглядно демонстрирует механизм соединения цикла и линейного прорыва. Впрочем, календарь как таковой не исключал изменений: «Мифы о создании календаря всегда манифестируют представления о цикличности, но отмечается и благотельность смены одной фазы другой, т.е. поступательное движение времени внутри цикла» [3. С. 613].

«Пиаровская» функция календаря, вызывающего доверие даже к меняющейся системе, была понята большевиками уже в 1918 г. Так, первый после-революционный календарь был в буквальном смысле советским, демонстрировавшим те уникальные возможности, которые новая власть дает гражданам. В традициях дореволюционных академических словарей все повествование начиналось со строения вселенной, зарождения жизни на Земле, а затем через историю изложение приходит к главному событию – Октябрьской революции. Отметив в календаре «Светочей человечества» (о просветительском стиле этого календаря мы уже говорили в начале статьи): Маркса, Энгельса, Ленина, Лассалья, Робеспьера, Марата, Бебеля, Халтурина, Либкнехта и Адлера, составители открывают часть, посвященную повседневной жизни. Не останавливаясь подробно на деталях, отметим открытость первого календаря. В частности, в нем были указаны адреса и телефоны всех центральных учреждений Советской республики. Например, Комиссариат народного просвещения – Остоженка, 12, тел. 5-25-48, ЧК по борьбе с контрреволюцией (адрес не изменился), тел. 5-79-23. Это единство сакрального и повседневного по логике сознания в известной мере снимало настороженность в отношении к промежуточной, идеологической, части.

Преобразования на основе замещения старых элементов матрицы новыми делали изменение самой реальности возможным и даже успешным. Вместе с тем для политических изменений в интересах правящей элиты необходимо было поколение, для которого революция уже закончилась, и эти опасения режима подтвердила троцкистская демонстрация в 10-ю годовщину Октября. Революция должна была остаться годовщиной-символом, главной датой в циклически-консервативном мировосприятии. Как пишет Е. Добренко, «назревала смена политического проекта: революционно-романтический проект уравнительного коммунизма заменялся традиционно-национальным, имперско-милитаристским, полицейским, иерархическим» [20. С. 335].

Анализ лозунгов, опубликованных в газете «Правда» за 1927–1928 гг., показывает, что революция как бы перемещается вовне: «Навстречу гигантским мировым потрясениям!»; «Навстречу великим и жестоким битвам классов!»; «Навстречу славным революционным штурмам!»; «Навстречу гибели капитализма и торжеству социализма!»; «Навстречу бурям, в которых расцветает заря мировой пролетарской победы!» И одновременно внутри страны: «Железная дисциплина нашей партии есть основа диктатуры пролетариата»; «Ленинская партия – партия октябрьской победы, партия строительства социализма. Сплотимся вокруг партии большевиков!»; «Кто нарушает единство ВКП(б), тот изменяет Октябрю. Долой раскольников и дезорганизаторов!»; «Долой нытиков, малOVERов и дезорганизаторов! Да здравствует победоносное строительство социализма! Да здравствует единство ВКП!»; «Теснее сомкнем боевые ряды вокруг ВКП(б)»; «ВКП(б) – вождь и организатор Красной армии»; «Да здравствует сильная, сплоченная Красная армия!»; «Рабочий, борись за снижение себестоимости, за удешевление продукции. Этим ты укрепишь свою классовую мощь и союз с крестьянством». И в завершение – структурирующие сознание лозунги: «Строя социализм в СССР, мы взрываем весь буржуазный мир»; «Коммунизм – наша цель. Ленин – наше знамя. Сплоченность железных батальонов пролетариата – залог нашего успеха»; «Классовый враг усиливает сопротивление социалистическому строительству – теснее ряды вокруг партии Ленина!» [21].

В условиях утверждения советского политического консерватизма перед руководством страны возникает проблема конкуренции с консерватизмом социальным, главным носителем которого была многомиллионная армия крестьянства, но прежде всего надо было избавиться от идеологического конкурента на консервативном поле – церкви. Оба эти консерватизма были привычны для сознания основной части общества и поэтому онтологически враждебны укрепляющейся власти. В этой связи становится понятным широкое наступление на религию, начавшееся в конце 20-х годов прошлого века. С 1929 г. в СССР храмы начали закрывать сотнями, демонстрацией наступления на религию стали взрывы церквей, театрализованное сжигание икон, священных книг и т.п., фактически воспроизводя яacobинские антирелигиозные карнавалы, описанные Моной Озуф. Психология осквернителей – преувеличенно восторженная: ничего не случилось, гром не поразил, Бог не заступился [22. С. 129–132]. Только в отличие от революционной Франции это произошло не на гребне Гражданской войны, а в период стабилизации, которая была войной за сознание в условиях окостенения революции.

Война с христианским календарем могла иметь успех, когда, по Лотману, в семиосфере уничтожаются все языки – носители отвергаемой интерпретации мира. В одной семиосфере не может быть двух доминирующих языков, как не может быть двух доминирующих матриц сознания. В этой связи стоит коснуться темы, как на дорациональном уровне православные праздники сначала вытеснялись на семиотическую периферию, чтобы попасть затем в разряд прямо враждебных новому режиму. В «Книге тишины» С. Румянцева отмечается сложность и любопытность «праздничного уклада и всей культуры 20-х годов». Румянцев, опираясь на авторитетные источни-

ки и литературу, писал, что к 1917 г. в Москве насчитывалось 846 православных храмов и часовен с 3 тыс. колоколов, а по России в храмах, монастырях имелось от 70 до 100 тыс. колоколов, в том числе в стране было 75% всех мировых колоколов-«тысячников» (т.е. весом в тысячу пудов и более) [23. С. 199]. С приходом к власти большевиков зрительные и слуховые образы сначала постепенно, а затем в массовом порядке физически стирались в сознании. Символическое значение колокольного звона трудно переоценить в сознании человека прошлых эпох. Об этом я, ссылаясь на Гюго и Терещенко, уже писал в статье, посвященной коммуникативной культуре праздника [24. С. 7].

Изыв колокольное оформление времени и пространства из семиосферы, большевики добились не только того, что «длительное отсутствие самого мощного и регулярного звона русского звономира губительно и страшно сказалось на сознании, звукосозерцании русского человека» [23. С. 203]. В данном случае мы можем вести речь о своеобразной «перезагрузке», когда ко времени анализируемого нами календаря 1928 г. «в СССР было 348 тыс. радиоточек, а в 1941 уже 5,9 млн, когда каждый начальник должен был обеспечить радиотрансляцию из Москвы в дни праздников «красного календаря». С 1929 г. 1 мая и 7 ноября стали проводиться «всесоюзные радиопереключки», и пространство Красной площади, полное речей, возгласов и кликов, расширилось до масштабов Союза» [23. С. 54]. И колокола больше не были конкурентами языку радиокommunikации.

На 1929 г. приходится и единственная в своем роде попытка радикального «взлома» матрицы. Можно говорить о механическом совпадении фронтального наступления на церковь и нового этапа в решении утилитарных проблем сталинской модернизации, но Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 26 августа 1929 г. «О переходе на непрерывное производство в предприятиях и учреждениях СССР», а также Постановлением специальной комиссии Совета Труда и Оборона календарь был изменен. Начнем с того, что были обезличены дни (вместе с отвергаемым воскресением), 72 пятидневки составляли год в 360 дней. И здесь советское правительство вернулось к времясчислению вавилонян. Оставшиеся 5 дней отвели на новые праздники: День Ленина – после 30 января, День труда – после 30 апреля, два Индустриальных дня – после 7 ноября. Таким образом, оставшееся на семиотической периферии воскресенье исчезло из дискурса советского общества на двенадцать лет. В 1931 г. пятидневку заменили шестидневкой с фиксированным выходным, и только за год до Великой Отечественной войны был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», который вернул гражданам СССР привычное счисление времени. Эксперимент над временем показал, что оно является одним из главных ресурсов, принадлежащих государству. Само же обезличивание дней, если воспользоваться метафорой Бодрийера о «порционности» времени, все больше стало напоминать лагерную пайку, вскоре ставшую значимым элементом советской реальности.

Итак, мы можем констатировать, что к 30-м годам календарь не только избавился от идеологически лишнего, но и разросся до размеров энциклопедии, начал «отпочковывать» специальные издания. К примеру, таковым стал календарь «Страна социализма» [25]. В этом издании доминировал топос страны победившего социализма. В хронологическом плане календарь отражал только главные праздники и немногочисленные даты жизни самых «главных» людей прошлого и настоящего, «отфильтрованных» к 1941 г. И хотя Е. Добренко писал по другому, более конкретному поводу, все же здесь уместно процитировать его: «Страна настолько срослась с дискурсом «Наших достижений» (журнал, выпускавшийся по инициативе М. Горького. — А.Щ.), что просто не могла быть от него отчуждена» [20. С. 450]. В нашем случае речь идет напрямую о репрезентационной ипостаси СССР. Не случайно на первой иллюстрации (предваряя культовые портреты Ленина и Сталина) и на первом плане изображен не Кремль, а Дворец Советов, так никогда и не построенный на месте взорванного Храма Христа Спасителя. Чуть раньше из календаря выделился и хронос, точнее по-большевистски интерпретированная Клио. В 1939 г. под редакцией А.В. Шестакова вышел «Историко-революционный календарь», где вся история вплоть до момента выхода была интерпретирована с точки зрения обострения классовых борьбы, а точнее с неоманихейских позиций [26]. Метастазирование в топос и хронос свидетельствовало о потенциях календарной матрицы по «обработке» новых горизонтов сознания.

Сознание нынешнего старшего поколения россиян, основанное на непосредственной или символически сконструированной памяти, привыкло делить нашу современную историю на «до войны» и «после войны» (деление на «до революции» и «после революции» давно стало идеологическим конструктом в отличие, например, от «до перестройки» и «после перестройки», являющегося, по крайней мере пока, житейско-идеологическим конструктом). В этом перечислении эпохальных рубежей наибольшей глубиной отличается временной водораздел на «до войны» и «после войны» как выражение непосредственно переживаемой памяти. В этой связи хотелось бы обратить внимание на рассуждения о «живой памяти» известного английского журналиста Генри Мортон, который, ссылаясь на книгу кардинала С. Бернса «Мученичество святого Петра и святого Павла», писал о большой амплитуде исторических событий, охватываемых жизнями людей: «Ребенок-христианин в Риме в 67 году мог видеть своими глазами мученичество святого Петра, видеть его распятым на кресте, а в 150 году этот очевидец вполне мог быть еще жив и способен рассказать об этом кому-нибудь. Ребенок, которому он мог рассказать это, в свою очередь состарившись, мог передать эту историю кому-нибудь, кто дожил до 312 года и процветания Церкви при Константине» [27. С. 218]. Проинтерпретированная таким способом живая память делает достоверными события социального конструкта, каким является календарь. Сам же порядок непреложной череды дней, месяцев, времен года и лет, отраженный в календаре, делает нечувствительным процесс смещения акцентов, элиминирования некоторых событий и акторов. Относительно устойчивый порядок и его проецирование на календарь (и наоборот) в полной мере нашли свое отражение в массовом «Настольном календаре»

на 1941 г., год разрыва с ментальной эпохой «до войны». Квазирелигиозность циклического миротолкования в нем уже оформилась: сначала раздел «Знаменательные даты», затем «Великие годовщины и всенародные революционные праздники», расположенные в порядке «красного» литургического года. Далее (судя по объему материала на каждого и размеров портретов) коммунистические «божества» – Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Вслед за божествами-вождями в строго определенной последовательности вожди поменьше: Молотов, Ворошилов, Каганович, Калинин, Андреев, Микоян, Жданов, Хрущев, Берия, Шверник. Советский мартиролог (в хронологическом порядке) строго ограничен именами Свердлова, Фрунзе, Дзержинского, Менжинского, Кирова, Куйбышева, Орджоникидзе, Крупской. От раздела к разделу календарь излагал официальную точку зрения на все сферы советской жизни, от морали до обороноспособности. Декларируемые в них принципы подкреплялись примерами воинского и трудового героизма, непримиримости к любой форме посягательства на установленный порядок (от шпионажа и вредительства до опозданий на работу) [28]. И годами спустя календари оставались авторитетом. Поставленные в один нарративный ряд череда времен года и укоренившихся праздников, мифологизированные события истории и герои советской реальности, репрезентация достижений наряду с бытовыми рекомендациями (как настроить телевизор, отчистить пятна, наточить лезвие безопасной бритвы, воспитывать пионера и т.п.) выгодно отличали календарь как от официально преподаваемой в учебных заведениях (и поэтому отчужденной) истории, так и от живой, но официально не легитимированной памяти [29].

Война, явившаяся испытанием на прочность существующего строя и одновременно ментальности народа, укрепила веру в консервативную составляющую советской политической динамики, характерную не только для первого послевоенного десятилетия, но и для более позднего времени. В данной связи стоит обратить пристальное внимание на то, какую политико-социализирующую роль сыграл календарь в послевоенные годы в деле формирования циклически консервативного мышления у младшего поколения. Это важно еще и потому, что сегодня основную массу электората пока составляет генерация, получившая социализационный заряд именно в тот период. П. Рикёр, рассматривая восприятие, пишет о том, что «читатель приступает к историческому тексту, вооруженный не только определенными ожиданиями, в частности, ожиданием того, что ему «не будут рассказывать сказки», но и собственным историческим опытом: ведь всякий читатель выступает протагонистом в той истории, что происходит сегодня. Именно ему приходится оценивать дискурс, возникающий на пересечении настоящего и прошлого» [11. С. 39]. На наш взгляд, здесь допущены как минимум два существенных упрощения. Во-первых, по логике Рикёра, к историческому тексту обращается уже изначально готовый читатель, на восприятие которого ничто и никогда не оказывало влияние. Во-вторых, по своей природе «сказка» (миф, идеология и т.п.) – наиболее удобная интерпретационная схема. И читатель-гражданин, который живет, по словам Рикёра, в каждом «протагонисте истории», действительно ищет правдивости в историческом тексте или «правды жизни» в самой жизни, но эту правду он интерпретирует в соответ-

ствии с заложенной схемой «сказки», и в том числе не в последнюю очередь в соответствии с матричным мышлением.

В этой связи хотелось бы показать на примере советских детей, как в процессе социализации (в том числе и тоталитарной индоктринации) у них вырабатывалось матричное циклическое мышление. В качестве примера мы возьмем контекстуальные аналоги календарей, среди которых особо (по продолжительности – сорок с лишним лет, тиражу в 100 тыс. экз., по объему, качеству художественного содержания и оформлению, сбалансированности текста и идеи вокруг матрицы) выделяется альманах «Круглый год» – книга-календарь для дошкольников и младших школьников. Это издание, на наш взгляд, систематически оформляло весь комплекс календарного воздействия на формирование сознания подрастающего поколения. Комплекс, в который входили альманах для октябрят «Звездочка», «Календарь школьника», циклически структурированные детские и пионерские журналы, праздники в детском саду и в школе, наконец, учебники, начиная с букваря и т.п. Особо стоит остановиться на первом альманахе, подписанном к печати осенью 1945 г. Сама по себе идея дать малышам, большая часть жизни которых пришлось на годы войны, а у многих навсегда искалечена войной, книгу-праздник заслуживает признательности. В комплекте с первыми альманахами выходили настенные календари, выкройки бумажных елочных украшений, воздушных змеев и пр.

Структурно альманах просуществовал без изменений, он был привязан к смене времен года, понятной ребенку: «Зима», «Весна», «Лето», «Осень», «Снова зима». Внутри природного цикла встраивались советские праздники. Как пишет маленьким читателям «Круглого года 1964» ветеран Великой Отечественной войны С. Георгиевская, «календарь – это память: недели, месяцы, дни, рабочие и воскресные. Календарь – это октябрь, который стал Октябрьским праздником; и май, праздник Первого мая. Календарь – это Время. Рассказ о снеге и солнце, воде и земле. Без памяти нет ничего на свете, даже самой обыкновенной пятерки» [30. С. 27].

Иногда политический текст вмонтировался в циклически-природную схему механически, а иногда органически (с точки зрения логики тех лет, когда природа подчинялась не просто воле человека, но политической воле). И сам календарь природы становился механизмом, обслуживающим политический календарный цикл. Возьмем, к примеру, стихотворение Е. Благиной, воспроизводившееся в весеннем разделе альманаха в разные годы:

– Черемуха, черемуха,
Ты что стоишь бела?
– Для праздника весеннего,
Для мая расцвела!
– А ты, трава-муравушка,
Что стелешься мягка?
– Для праздника весеннего,
Для майского денька!
– А вы, березки тонкие,
Что нынче зелены?
– Для праздника, для праздника,
Для мая, для Весны! [31. С. 58]

Как тут не вспомнить предельно жесткую оппозицию апреля и января в пионерской песне 30-х годов (З. Левиной) «Тих апрель», где дети просят апрель – месяц рождения Ленина – подарить розы, а «тебе, январь, не рады, друга ты от нас унес».

Предваряло каждую новую книгу введение, которое на первых порах называлось «На пороге нового года». Сначала анонимное, а затем подписанное известными детскими писателями, оно задавало импульс, пробуждало интерес к новому году. С концептуальной точки зрения, это наиболее интересная для политолога часть. Затем в ранних альманахах (до середины 50-х годов) шли портреты Ленина и Сталина, патриотические стихи и песни. Вслед за этим – пять вышеуказанных разделов, объединенных общей идеей круглого года, навеянной одноименным стихотворением С. Маршака, фрагменты которого сегодня помнит каждый, кто учился в советской школе: «Открываем календарь – начинается январь», «Слава армии родной в день ее рождения», «День седьмого ноября – красный день календаря», и конечно, предновогоднее: «Елка плакала сначала от домашнего тепла...». Завершалось круглогодие четверостишием: «Год прошел, как день вчерашний./ Над Москвою в этот час/ Бьют часы Кремлевской башни/ Свой салют – двенадцать раз».

В данной работе хотелось бы на основе контент-анализа выделить наиболее типичные матричные приемы, используемые прежде всего во введении-«пороге». Сама по себе идея текста-порога, отмечающего сакральную границу между годами, опирается на мощную мифическую традицию. Слова, произнесенные (написанные) в лиминальной части, относящейся не к конкретной дате, а предвечному времени, имеют чрезвычайно большое значение – это слова о главном. В период междугодия ни человек, ни год не могут быть одинокими – они связаны с Родиной, со всем сакральным временем. Вот как Е. Пермяк сформулировал эту мысль во введении к «Круглому году 1961»: «...Если ты будешь вместе со взрослыми встречать новый, 1961 год, то не думай, что только он один сидит за столом или веселится вместе с тобой у елки. Нет! Все сорок три года (с Октябрьской революции. – *А.Щ.*) празднуют вместе с нами и встречают Новый, 1961 год, потому что все они накапливали ему силу и наращивали его новогоднее могущество» [32. С. 4]. В этом плане первая книжка «Круглого года» уникальна тем, что предлагает компенсировать детям четыре Новых года, пришедшие на период войны. Впервые на страницах альманаха появляется слово «славно»: «Давно мы с тобой не встречали так славно Новый год». Но наряду с радостью великой Победы слова скорби и памяти о погибших «славных боевых товарищах». Альманах советует: «Не трать даром времени, не теряй ни одного денька... Для каждого времени года есть свои дела. Война кончилась. Небо спокойно. Теперь тебе уже никто не помешает расти, играть, учиться, отдыхать. Наступило мирное время, чудесное время!» [33. С. 5]. Сам по себе первый альманах был порогом в новую жизнь – мирное и чудесное время (оно и в дальнейшем будет презентовать себя как чудесное), а с точки зрения нашей темы – наиболее удобной формой становления матричного мышления у детей.

Итак, как уже говорилось, использовались прилагательное ‘славный’, наречие ‘славно’, существительное ‘слава’: «Прошлый, 1947 год, кончился. В труде и славе прошел он для нашей великой Советской страны»; «И слав-

но отпраздновал весь советский народ два великих праздника» (о 800-летию Москвы и 30-летию Октябрьской революции); «У всякого года свои заботы, своя слава, свои новости»; «Много славных дней ждет тебя в новом году» [34. С. 3–4]. «Славно проводили мы последний прошлогодний день и радостно встретили первый день нового года... Слава старому году, 1948-му! Здравствуй, новый год, 1949-й. Много славных дел совершил наш народ в прошлом году»; «Желаем и тебе, дружок, провести каждый день нового года так, чтобы когда он пройдет весь и снова зажгутся огни на елках, ты, вспомнив свои хорошие трудовые дни, мог сказать: “Да, славный у нас у всех был этот 1949 год”» [35. С. 3–4]. «Наступил славный 1950-й год» (далее о достижениях, радостных рапортах всех трудящихся со всех концов страны): «Вот какой это будет славный год». И в единственном альманахе за 1950 г. прямо во введении вставлены лозунги: «Слава нашей Родине! Слава партии большевиков! Слава дорогому Сталину – мудрому вождю нашей Советской страны» [36. С. 3–4]. И снова: «Славным был прошедший год, еще более славным будет новый, 1951-й» [37. С. 3]. И только про 1946 г. написано, что мы «неплохо прожили его». Но эти слова предваряет смысловой конструкт: «У каждого года свои особенные дела, своя собственная слава. Были годы войны, тяжелые, трудные годы. Потом пришел год Победы – 1945-й. И за ним наступил первый мирный год, 1946-й» [38. С. 3].

Итак, закладывался стереотип, что у нас могут быть и трудные годы, но один славный год сменяет другой. Это было прямой противоположностью тому, как подавался образ дореволюционной смены лет. Е. Пермяк изображает старый год «провинившимся и жалким», уходящим «боязливо крадучись» по задворкам на трясущихся ногах. Но и новый год был обманщиком, розовощеким мальчишкой, обещавшим счастье: «Покрасовавшись день-два на рисунках сказочным мальчиком, он вдруг выросстал и становился похожим на старый год». Писатель показывает смену лет как «старую скрипучую карусель», когда для одних «все пятьдесят две недели были праздниками, а для других – черными днями нужды и голода». Эта карусель лет «кружилась до тех пор, пока народ не сломал ее гнилую ось» [32. С. 3].

Сравним по степени смысловой нагрузки концепт счастья. Это «боевое счастье» воинов и «мирное счастье» для маленького читателя, пожелание «счастья и удачи на весь год» в альманахе на 1946 г. [33. С. 4–5]. Безусловно, доминирует «слава». В отличие от счастья, индивидуального и интимного (даже в масштабе страны), она – коллективна и публична. Год может сравниться с годом только славой. Труженики различных отраслей, воины различных родов войск и простые люди, потенциально включая и детей, в ней видят главный критерий сравнимости и поступательного движения. Мир, который рисует календарь, далеко не весь в радужных красках. Наряду с героями – носителями славы в нем есть и злые враги. Если в первых альманахах образ врага оставался в прошлом, этот враг – фашизм, который принес страдания и разрушения нашей стране и ее людям, но был повержен, то к 50-м годам это уже враг, существующий с нами одновременно и угрожающий нашему спокойному и обустроивающемуся миру. Поэтому наша страна «с каждым днем, с каждым годом благодаря труду всех советских людей становится... все прекраснее для нас и все неприступнее для врагов, если они захотят

нам опять помешать мирно жить и работать» [36. С. 4]. «У Советской страны есть враги, которые только и думают о том, как бы помешать нам дружно жить и работать. Но друзей у нас гораздо больше» [37. С. 4].

Слава коллективная и индивидуальная отражена в праздничных днях. Из нашего текста понятно, что открывает «славный год» новогодний праздник. Во введении могли детально раскрываться «красные дни календаря», включая и профессиональные праздники, или анонимно указывалось на них как на «большие дни». Особо акцентировалось внимание на юбилеях (Октябрьской революции, Ленина, Красной армии, комсомола, Москвы). Для славы ни один день не может быть пустым. «Не всякий день в календаре напечатан красной краской. Куда больше дней будничных, рабочих. Много будет в году трудовых понедельников и вторников, простых сред и четвергов, обыкновенных пятниц и суббот. Но каждый из этих дней может стать большим, памятным и счастливым днем, если человек в этот день так хорошо работал или учился, чтобы к вечеру мог сказать: “Да, хороший был денек!”» [35. С. 4].

Глориализм анализируемых детских альманахов должен был сформировать у детей представление о славном единстве власти и народа, гарантирующем преемственность славных лет. Эта мысль в своей предельно концентрированной форме была выражена в последнем четверостишии стихотворения С. Маршака «Новый год»:

Год идет навстречу году
По земле в морозной мгле.
Слава нашему народу
И вождю его в Кремле! [31. С. 9].

И, несмотря на то, что после смерти Сталина стихотворение, воспроизводимое потом в различных детских изданиях, стало короче на последнее четверостишие, утратив свою сакральность и став почти обычным детским стишком о первом дне нового года, «программная» сущность его осталась в механизме «впечатывания» глориалистского восприятия советского времени. «Почти обычным», потому что в стихотворном «остатке» предпоследним четверостишием декларируется предвосхищение счастья коллективного, которое несет новый год, а следовательно, счастья, являющегося источником новой славы:

Заалет на рассвете
Самоцветная звезда,
И тогда мы с вами встретим
Год счастливого труда [31. С. 9].

Разумеется, в небольшой работе нет возможности проанализировать всю специфику детских альманахов «Круглый год», да это и выходит за ее предметные рамки. Так получилось, но в предмете нашего исследования совершенно случайно совпали аналоги «мест памяти», которые Пьер Нора выделил в качестве примера для иллюстрации своего проекта, – «революционный календарь» и детская книга «Путешествие по Франции двух детей», названная Нора «Малым Лависсом», которая *сформировала* «память миллионов юных французов». Книга для многих поколений не просто энциклопедия о родине, но «перечень того необходимого, что следует знать о Франции,

идентификационное повествование и путешествие-инициация». Ее популярность спустя сто лет после выхода объясняется историком бесконечным возвращением «циклов памяти» [10. С. 41–43]. Таким образом, все больше исследователей, а вслед за ними и практиков возвращаются к проблеме ментальных основ стабильности.

Что касается современной России, то ее поступательное развитие пока идет в отрыве от циклического фундамента. Мифологически новая Россия, «Россия Путина», пока висит над «исторической бездной» – у нее нет собственного прошлого. То короткое прошлое, которое сформировалось за последние восемь лет, пока еще тонкая «амальгама» чувства стабильности в период укрепления государственного начала. И это уже неплохо, потому что за свою историю россияне привыкли (не всегда любя) видеть в государстве главного гаранта стабильности и справедливости. Но, открывая политический «календарь осьмого года», хотелось бы, чтобы обществу вернули праздники, а не порожные дни, чтобы новые поколения россиян (через формирующие сознание книги, фильмы, передачи и т.п.) не просто увеличивали национальную биомассу, но осознавали свою причастность к прошлому, место в настоящем и ответственность за будущее.

Литература

1. *Dennis Matthew*. Red, White and Blue Letter Days: An American Calendar. Ithaca: Cornell University Press, 2002.
2. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1995.
3. *Брагинская Н.В.* Календарь // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 1: А–К.
4. *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998.
5. *Платт Кевин М.Ф.* История в гротескном ключе: литература и идея революции. СПб.: Академический проект, 2006.
6. *Грибоедов А.С.* Горе от ума // Грибоедов А.С. Горе от ума. Сухово-Кобылин А.В. Пьесы. Островский А.Н. Пьесы. БВЛ. Сер. вторая. Т. 79. М.: Худ. лит-ра, 1974.
7. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Роман в стихах // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худ. лит-ра, 1975. Т. 4.
8. *Толмачев А.В.* Календарь // БСЭ. М.: Сов. энциклопедия, 1973. Т. 11: Италия – Кваркуш.
9. *Уитроу Дж.* Естественная философия времени. М.: Едиториал УРСС, 2003.
10. *Нора Пьер.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-Память / П. Нора и др. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999.
11. *Рикер П.* Историописание и репрезентация прошлого. Памяти Франсуа Фюре // Анналы на рубеже веков: антология. М.: XXI век: Согласие, 2002.
12. *Нора Пьер.* Как писать историю Франции // Франция-Память / П. Нора и др. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999.
13. *Щербинин А.И.* «С картинки в твоём букваре», или Аз, Веди, Глагол, Мыслете и Живете тоталитарной индоктринации // Полис. 1999. № 1.
14. *Советский календарь на 1919 год.* М.: Изд-во ВЦИК, 1918.
15. *Всеобщий настольный календарь на 1928 год.* М.: ГИЗ, 1927.
16. *Душен В., Замятина А.* Политические праздники в школе и детском доме. М.: Л.: ГИЗ, 1926.
17. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2001.
18. *Ирошников М., Шелаев Ю.* «Октябрьение» // Родина. 1991. №9–10 и др.
19. *Кабанес О., Несс Л.* Революционный невроз // Революционный невроз. М.: Инст. психол. РАН; Изд-во «КСП+», 1998.

20. *Добренко Е.* Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
21. *Правда.* Орган Центрального комитета ВКП(б). 1927, 1928 (Подбор лозунгов ежемесячно проведен И.В. Кологривовой).
22. *Озуф Мона.* Революционный праздник: 1789–1799. М.: Языки славянской культуры, 2003.
23. *Румянцев С.Ю.* Книга тишины. Звуковой образ города. СПб.: Дмитрий Булавин, 2004.
24. *Щербинин А.* Коммуникативная природа политического праздника // Политический маркетинг. 2007. №6.
25. *Страна социализма.* Календарь на 1941 год. М.: Соцэкгиз, 1941.
26. *Историко-революционный календарь.* М.: Соцэкгиз, 1939.
27. *Мортон Генри В.* Рим. Прогулки по вечному городу. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.
28. *Настольный календарь 1941.* М.: Соцэкгиз, 1941.
29. *Настольный календарь 1959.* М.: Госполитиздат, 1958.
30. *Георгиевская С.* Память. Письмо читателям «Круглого года» // Круглый год 1964. Книга для чтения. М.: Детгиз, 1963.
31. *Круглый год 1953.* Книга-календарь для детей на 1953 год. М.; Л.: Детгиз, 1952.
32. *Круглый год 1961.* Книга для чтения. М.: Детгиз, 1960.
33. *Круглый год 1946.* Книга-календарь для детей на 1946 год. М.; Л.: Детгиз, 1945.
34. *Круглый год 1948.* Книга-календарь для детей на 1948 год. М.; Л.: Детгиз, 1947.
35. *Круглый год 1949.* Книга-календарь для детей на 1949 год. М.; Л.: Детгиз, 1948.
36. *Круглый год 1950.* Книга-календарь для детей на 1950 год. М.; Л.: Детгиз, 1949.
37. *Круглый год 1951.* Книга-календарь для детей на 1951 год. М.; Л.: Детгиз, 1950.
38. *Круглый год 1947.* Книга-календарь для детей на 1947 год. М.; Л.: Детгиз, 1946.